

ВСЕСВІТНЯ ІСТОРІЯ. ІСТОРІЯ МІЖНАРОДНИХ ВІДНОСИН

Н.В. Павлов

*доктор исторических наук, старший научный сотрудник,
профессор кафедры истории и политики стран Европы и
Америки Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД России
(Россия, Москва)*

РУССКИЕ И НЕМЦЫ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ – ПАРТНЕРЫ ИЛИ СОПЕРНИКИ?

(Часть третья)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

У статті розглядаються радянсько-німецькі відносини з жовтневого перевороту в Росії в 1917 році до розпаду Радянського Союзу та ліквідації дводержавності на німецькій землі. Об'єктом дослідження є до-і повоєнна фази двосторонніх зв'язків, які для СРСР мали пріоритетне стратегічне значення з огляду прагнення Радянської Росії, а потім і Радянського Союзу будувати з Німеччиною, будь то Веймарська республіка, фашистський режим або НДР, відносини «особливого роду» як протипагу «імперіалістичним державам». В основі такого підходу лежали як історичний досвід співпраці з Пруссією, як геостратегічні міркування, так і ідеологічні установки більшовиків, пізніше – І. В. Сталіна і його послідовників.

Ключові слова: Радянська Росія, Радянський Союз, СРСР, Веймарська Республіка, третій рейх, ФРН, НДР, радянсько-німецькі відносини, зовнішня політика, історія міжнародних відносин.

Советско-германские отношения (1917–1991гг.) составляют содержание третьего и пока самого короткого периода в истории русских

и немцев. Если первый период нерегулярных контактов продлился почти семь веков, эпоха Романовых чуть более трех столетий, то советский этап – всего 74 года. То есть мы являемся свидетелями ускорения и сжатия исторических процессов. С нашей точки зрения, время существования в России советской власти условно может быть поделено на три фазы – довоенную, военную и послевоенную. Правда, если смотреть с немецкого угла, то можно выделить подпериоды Веймарской республики, третьего рейха, войны, попыток послевоенного урегулирования германского вопроса и самостоятельные подпериоды отношений СССР–ГДР, СССР–ФРГ. В любом случае, характерной особенностью до- и послевоенной фаз этого периода было стремление Советской России, а затем и Советского Союза строить с Германией, будь то Веймарская республика, фашистский режим или ГДР, отношения «особого рода» как противовес «империалистическим государствам». В основе такого подхода лежали как исторический опыт сотрудничества с Пруссией, как геостратегические соображения, так и идеологические установки большевиков, позднее – И.В.Сталина и его последователей.

* * *

Февральская революция и октябрьский переворот в России были восприняты многими современниками как событие, которое могло решающим образом повлиять на исход мировой войны. Военного поражения царской России и расчленения ее на несколько малозначительных национальных государств путем революции хотели как в правящей элите Германии, так и государств-членов Антанты. Германский посланник в Копенгагене граф У. фон Брокдорф-Рантцау в докладной записке на имя рейхсканцлера Бетман Гольвега от 6 декабря 1915 года указывал: «Победа и в качестве приза первое место в мире будет за нами, если своевременно удастся революционизировать Россию и тем самым разрушить

коалицию»¹. Из в общей сложности 382 млн. рейхсмарок, выделенных германским руководством на зарубежную работу, примерно 40,5 млн. рейхсмарок ушло на подготовку революции в России (только по линии МИДа на это было потрачено минимум 26 млн. марок – 75 млн. евро по сегодняшним меркам), причем особое значение сотрудничество с ленинцами приобрело после февральской революции. Сумма, пускай, и незначительная, тем не менее, не стоит преуменьшать ее значение. Как утверждает еженедельник «Шпигель», без помощи Вильгельма II Ленину трудно было бы организовать Октябрьскую революцию по написанному им сценарию. «Более того: без германской поддержки большевики Ленина не смогли бы удержаться у власти в свой первый решающий год»².

Немцы рассчитывали, что полученная Лениным материальная помощь позволит большевикам совершить революцию, взять власть в свои руки и закончить войну рейха «на востоке». До тех пор пока Ленин делал то, чего от него ожидало германское руководство, он «объективно» действовал как агент влияния Германии. Берлинские кукловоды прекрасно осознавали, что лидер большевиков преследует совершенно иные цели, нежели политическая и военная верхушка Германской империи. Однако они мирились с этим, поскольку победа на востоке и тем самым окончание войны на два фронта были для них важнее чего бы то ни было другого³.

Русские большевики, совершившие переворот и провозгласившие диктатуру рабочего класса, 26 октября (8 ноября) 1917 г. предложили всем воюющим сторонам заключить мир без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение. И если союзные державы

---

1 Цит. по: Koenen Gerd. Der deutsch-russische Nexus// Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2007, 29 Okt. – S. 28.

2 Der Spiegel. – 2007, 10. Dez.

3 Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Deutsche Geschichte 1806 – 1933. – Bonn, 2002. – S. 357.

отказались признать новую власть в России, прервали с ней все контакты, сославшись на нарушение договора от 5 сентября 1914 года, запрещавшего союзникам заключение сепаратного мира или перемирия, то рейхсканцлер Германии граф Георг фон Гертлинг, выступая в рейхстаге, назвал советское предложение «заслуживающей дискуссии основой для начала переговоров» и выразил надежду на возрождение «соседских отношений, особенно в экономической области». В результате в декабре 1917 года в немецкой военной ставке в Брест-Литовске начались трудные многоэтапные мирные переговоры с представителями германского Верховного командования и Четверного союза, которое с ростом неадекватности поведения российских представителей выдвигало все более непомерные требования. После разгона Лениным Учредительного собрания в январе 1918 года, где большевики имели всего четверть мест, шансы Германии на подписание мира на немецких условиях многократно возросли.

3 марта 1918 г. российская делегация пошла на подписание «грабительского и унижительного» договора, как объяснялось, исключительно ввиду форс-мажорных обстоятельств. Большевикам срочно требовался мир, чтобы дать отпор монархической контрреволюции, соответственно выжить и укрепить советскую власть. Подписывая и ратифицируя Брест-Литовский мирный договор, большевики также надеялись на то, что «искра революции» перекинется на немецких солдат и рабочих и на условиях кабального мира можно будет легко поставить жирный крест. Немцам, в свою очередь, требовался мир, чтобы достичь явно нереальной цели – добиться на западном фронте победы, перекинув туда мощное подкрепление с востока. К тому же военно-политическая верхушка Германии рассчитывала на ликвидацию в зародыше в бывших частях Российской империи, а ныне самостоятельных странах, любых проявлений большевистской угрозы. В Финляндии, Прибалтике и на Украине рейхсвер активно участвовал в подавлении коммунистического подполья.

Выйдя из войны и заключив сепаратный мир с главным противником, Россия, будучи самой активной союзницей Антанты, перешла таким образом из числа потенциальных победителей в категорию поверженных стран. Результатом заключения Брест-Литовского договора стало установление дипломатические отношения между кайзеровской Германией и Советской Россией, т.е. произошло признание последней де-факто и де-юре со стороны Берлина в качестве субъекта международного права. Уже 20 апреля 1918 г. советский полпред, участник переговоров в Брест-Литовске, сподвижник Троцкого А.А. Иоффе заступил на должность посла в Берлине. Правда, после краха масштабного наступления на западном фронте и надвигавшегося поражения в войне, когда в преддверии подписания перемирия с Антантой терял всякий смысл диалог с Советской Россией, 5 ноября 1918 г. под предлогом того, что большевики финансируют пролетарскую революцию в Германии (что на самом деле соответствовало действительности), правительство принца Макса Баденского заявило о разрыве официальных отношений с Москвой.

Выдворение советского посольства из Берлина последовало одновременно с подписанием 6 (11) ноября Компьенского перемирия с Антантой, которое обязывало Германию денонсировать Брест-Литовский мирный договор вместе с добавочными договорами от 27 августа 1918 года⁴. Таким образом позорная глава с передачей немцам золотого запаса России по объективным причинам была закрыта.

---

⁴ После убийства германского посла в России графа Мирбаха 6 июля 1918 г. советское правительство вынуждено было пойти на подписание с Германией 27 августа дополнительных соглашений. В обстановке строжайшей секретности в Берлине были заключены русско-германский добавочный договор к Брестскому миру и русско-германское финансовое соглашение. В экономическом измерении «отступное» составило 75% всей черной металлургии и сталеплавильной промышленности и репарации в размере 6 млрд. марок, из них 1,5 млрд. марок должны были быть выплачены чистым золотом – весом 245 564 кг. В сентябре 1918 года в Берлин было отправлено 2 эшелона, груженых золотом и бумажными денежными знаками. В рамках этой партии немцы получили 93 535 кг чистого золота и казначейских бумаг («романовки» и «думки») на сумму в 203 млн. 635 тыс. рублей. Выплате оставшейся части помешало поражение Германии. Всего было поставлено золота на сумму 124 835 549 золотых рублей. Впоследствии «золото Ленина» погало к французам в счет уплаты репараций, и немцы так и не смогли им воспользоваться. Оно «пихо улетело» во Францию как плата за поражение в войне.

Поражение Германии в войне и Ноябрьская революция, приведшие к созданию республики, означали наступление нового этапа в отношениях между Берлином и Москвой. Ноябрьская революция и Версальский договор еще более усилили значение Германии для советского правительства, которому, дабы удержаться у власти, пришлось вести ожесточенную войну и отражать интервенцию. В свою очередь, руководство Веймарской республики пыталось на международной арене лавировать между Западом и Востоком, что получило название «политики качелей». Эта политика выражалась в том, что в течение двух лет после окончания Первой мировой войны Берлин старался выторговывать у западных держав-победительниц смягчение условий Версальского мира, выдавая себя за оплот борьбы против большевизма. Потерпев в этом торге фиаско, германская правящая элита решила «вспомнить» традиции внешней политики Бисмарка, пойдя в 1922 году в Рапалло на сближение с Советской Россией, значение которой с исторической, экономической и геополитической точек зрения для Берлина было трудно переоценить. И наоборот: Германия во всех отношениях была объектом наиболее пристального внимания правительства Ленина – и как следующее звено в цепи революций, и как наиболее приоритетный партнер в экономическом, научном и военно-техническом сотрудничестве. Курс на взаимное сближение имел логично обоснованную историческую перспективу, и его сторонники занимали весьма ответственные посты как в Берлине, так и в Москве. Причем обе стороны объединяло неприятие Версальской мирной системы и враждебное отношение к независимой Польше.

Политика обоих государств, нацеленная на ревизию Версальского договора, поддерживалась контактами между Красной Армией и рейхсвером, которые были завязаны уже зимой 1920 – 1921 гг. по инициативе командующего сухопутными войсками Германии, архитектора послевоенной

германской армии генерала фон Секта и оставались в тайне до 1926 года. Лишь статья в английской «Манчестер Гардиан» открыла глаза мировой общественности на закулисную сторону сотрудничества двух изгоев мировой политики, что привело к отставке правительства канцлера В.Маркса. Когда же в январе 1927 года социал-демократическая «Мюнхнер пост» опубликовала имена командированных в Россию офицеров рейхсвера, разразился очередной политический скандал, итогом которого стала остановка строительства самолетов и танков, а также участия немецких фирм в производстве боеприпасов на советских заводах. Тем не менее, обучение советских командиров в Германии и боевая подготовка немецких офицеров в Советской России продолжались по накатанным рельсам.

В то время как Красная Армия использовала технические достижения германской военной промышленности и современные организационные методы германского генштаба, рейхсвер получил возможность готовить группы летчиков, танкистов и специалистов по химическому оружию (газам) в трех собственных школах, а также с помощью дочерних предприятий германской военной промышленности в России обучать своих офицеров обращению с новым оружием, изготовлению и владению которым было запрещено в Германии.

Несмотря на тесные контакты между Красной Армией и рейхсвером, на достаточно разветвленную экономическую и военно-техническую кооперацию, отсутствие дипломатических отношений сдерживало всеобъемлющее сотрудничество между двумя странами. «Германо-советские отношения находились в необычном взвешенном состоянии между конспиративным сотрудничеством с одной стороны и неимением дипломатических отношений – с другой»⁵. Военная кооперация так и не переросла в военно-политический альянс, однако она

---

⁵ Hartl/Marx. 50 Jahre sowjetische Deutschlandpolitik. – Boppard am Rhein, 1967. – S. 95.

оставалась несущей опорой двусторонних связей почти до самого конца Веймарской республики вне зависимости от состава правящих коалиций.

Точкой отсчета международного возрождения и восхождения российского и германского государств к вершинам мировой власти можно считать 16 апреля 1922 г., когда в итальянском городе Рапалло «на полях» Генуэзской конференции министры иностранных дел Г.В.Чичерин и В.Ратенау подписали договор.

Договор между РСФСР и Германией предусматривал немедленное восстановление в полном объеме дипломатических и консульских отношений между обеими сторонами и урегулирование всех спорных вопросов путем взаимного отказа от претензий, прежде всего от возмещения военных расходов, равно как и убытков, причиненных им и их гражданам во время войны (напомню, что по разным версиям сумма, причитавшаяся с Германии колебалась от 8 до 30 млрд. золотых марок). Была достигнута договоренность содействовать развитию торгово-экономических отношений между Россией и Германией, руководствуясь принципом наибольшего благоприятствования.

Особенность Рапалльского договора заключалась в том, что его положения вступали в силу немедленно. Лишь ст. 4 о наибольшем благоприятствовании и пункт б) ст. 1 об урегулировании публично-правовых и частно-правовых отношений вступали в силу с момента ратификации, которая последовала в России 16 мая, а в Германии 4 июля 1922 г., причем единогласно⁶.

Немецкий историк Х.Шульце называет Рапалльский договор «единственным светлым пятном» в серии поражений и унижений, связанных с немецкой внешней политикой в первый период существования Веймарской республики. И если рейхсканцлер Вирт «благословил» договор, то нашлись и его

---

⁶ Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1923 годах. М., 1974. – С. 81 – 82.

противники. Среди них был депутат от Независимой социал-демократической партии Германии Рудольф Брайтшайд, который назвал документ «возможно, самым тяжелым уроном для немецких интересов на ближайшую перспективу», поскольку он-де мешал начинавшемуся установлению взаимопонимания с Западом по экономическим вопросам.

Россия и Германия развили политику Рапалло в Берлинском договоре от 24 апреля 1926 г., который обязывал обоих партнеров к строгому нейтралитету и неподдержанию бойкота любого вида при нападении третьей стороны. Мотивами для заключения договора, который предстояло продлить в 1931 году были с советской стороны – беспокойство по поводу слишком сильной западной ориентации Германии и возможности ее вовлечения в антибольшевистский фронт капиталистических государств; с германской стороны – необходимость вести сбалансированную политику с Востоком и Западом; и не в последнюю очередь с обеих сторон – стремление к ревизии границ Польши, как восточных, так и западных. В этом вопросе обе державы были едины и постоянны, как и в неприятии Версальского договора.

Берлинский договор юридически закрепил обоюдную заинтересованность в дальнейшем развитии отношений в различных сферах, и создавал для этого определенный политический каркас и стимулировал влиятельные группы интересов в Германии (промышленники, рейхсвер) к расширению сотрудничества с Советским Союзом. В конце 20-х – начале 30-х годов Германия вновь стала важнейшим торговым партнером Советского Союза. Основу сотрудничества составили экономические соглашения 1925 и 1933 годов. Если в 1923 году доля СССР в германском импорте составляла 1,5%, то в 1932 году она выросла до 10,9%⁷. В том же году Советский Союз – как и Российская империя в 1914 году – получал 47% своего импорта из Германии (в 1936 году, в начале новой

---

⁷ Kahn H. W. Die Deutschen und die Russen. – Köln, 1984. – S. 109.

пятилетки, он сократился уже до 25%)⁸. Статьи импорта составляли в основном продукция машино- и станкостроения, автомобили, котлы, листовая сталь и проволочные изделия. Масштабные «русские заказы» помогли во время мирового экономического кризиса и высокой безработицы сохранить многим немцам рабочие места и, соответственно, обеспечить средства на существование (по некоторым оценкам их число составило до полумиллиона человек)

Изначально заложенные в Рапалльском договоре предпосылки для создания нового, теперь уже советско-германского, альянса не были реализованы в силу ряда объективных причин. К ним следует отнести, прежде всего, несовместимость общественно-государственного устройства и уже как следствие – насильственную коллективизацию и первые репрессии в Советском Союзе, антисоветизм немецкой социал-демократии как реакцию на отношение к ней советского руководства, неудовлетворительное положение советских немцев, а также изменение международной обстановки, связанное с ослаблением Версальской системы и, соответственно, с укреплением позиций Германии. С падением Веймарской республики в российско-германских отношениях началась принципиально новая фаза, выведшая на международную арену идеологически соперничавшие, практически сотрудничавшие, а затем и напрямую противоборствовавшие тоталитарные режимы.

* * *

Приход Адольфа Гитлера к власти 30 января 1933 года стал вторым по значимости рубежом в германо-советских отношениях после 1917/18 гг., предопределив в конечном итоге обоюдный курс на конфронтацию и неизбежность кровавой схватки: Германии – за мировое господство, Советского Союза

---

⁸ Руффман Карл-Хайнц. Ключевые даты в германо-советских отношениях до начала второй мировой войны//Россия и Германия в годы войны и мира (1941-19951).– М., 1995. – С.16.

– за выживание. Периодизация двенадцатилетней истории «тысячелетнего рейха» сама по себе имеет довольно стройную логику – от установления полной диктатуры НСДАП во главе с Гитлером в 1933 – 1936 гг. и накопления внутренних резервов для подготовки к реваншу за поражение в Первой мировой войне через пробу сил на международной арене в 1936 – 1939 гг. под лозунгом борьбы с коммунистической угрозой и создания тем самым плацдарма для будущей агрессии до развязывания в 1939 году войны за мировое господство. Однако германо-советские отношения выпадают из этой достаточно жесткой конструкции и имеют свои поворотные моменты.

Внешняя политика Германии в отношении СССР в первый год пребывания национал-социалистов у власти, сочетая в себе различные тактические установки, обусловленные, как правило, сугубо прагматическими потребностями момента, по мере укрепления позиций нового режима внутри страны, на международной арене все больше отдалялась от традиционных концепций консервативной элиты (МИД, рейхсвер), подпадая под полный контроль вождя нации («один народ, один рейх, один фюрер!») и его предельно идеологизированной внешнеполитической программы.

В Москве, как и в других мировых столицах, в начале 1933 года еще не поняли, что в лице нацистского руководства столкнулись с совершенно новым типом режима – лживого, беспринципного, не отягощенного никакими комплексами, предрассудками и моральными нормами. 1933 год стал не в последнюю очередь ключевым еще и потому, что именно с этого времени обе альтернативы советской внешней политики – сотрудничество с западными державами или взаимопонимание с Германией – впервые начали конкурировать друг с другом.

В условиях обострения отношений между Германией и западными державами для советского руководства уже не имели особого значения ни характер политического режима третьего рейха, ни планируемое им резкое увеличение вооруженных сил. Главное – Германия опять противостояла Западу и,

следовательно, рано или поздно ей будет нужен союзник на Востоке, В том, что роль союзника было уготована исключительно СССР, по всей видимости, серьезных сомнений в Москве не вызывало. С такой Германией Сталин готов был искать сотрудничества если и не любой ценой, то, несомненно, идя на очень многое. Этим объясняется и своего рода «подлаживание» к новому режиму с советской стороны, причем не только в политической, но и в идеологической сфере, чего не делали даже западные «умиротворители». Например, самые серьезные внешнеполитические акции Германии в 1933 году – уход из Лиги Наций и с конференции по разоружению – были с «большим пониманием» восприняты в Москве.

С помощью целеустремленно подготовленного договора о ненападении с Польшей от 26 января 1934 года, который показался современникам сенсационным уже из-за радикальной смены партнера в германской «восточной политике», Гитлер не только прорвал угрозу всеобщей изоляции и окружения рейха Францией, но и начал уже явственно обозначившуюся идеологически мотивированную политику экспансии, направленную против Советского Союза.

С момента заключения германо-польского соглашения до конца 1939 года в Москве доминировала линия, имевшая однозначно прозападную ориентацию: создание международной системы коллективной безопасности для подавления фашизма и недопущения японской агрессии, а также переговоры по разоружению, которые ввели бы СССР в активную международную политику в качестве гаранта статус-кво. В то же время на дипломатическом уровне предпринимались попытки найти взаимопонимание с Германией, подчеркивались общие интересы обеих держав в поддержании экономических связей и в борьбе против Версальской системы.

В 1936 году, в период перехода от внутренней консолидации национал-социалистической диктатуры к поэтапному завоеванию пространства в Европе, антисоветское направление германской внешней политики резко усилилось,

что выразилось в программном заявлении фюрера в конце июля 1936 года и широко развернутой антикоммунистической пропагандистской кампании. Более того, 25 ноября того же года Германия заключила с Японией Антикоминтерновский пакт, суть которого, изложенная в секретном дополнительном соглашении, состояла в координации германской и японской антисоветской политики в случае войны. Военное вмешательство третьего рейха в гражданскую войну в Испании (с конца июля) также следует отнести, как идеологически, так и практически, к программной политике Гитлера, направленной против СССР.

1938 год внес существенные изменения как во внутреннее, так и в международное положение Германии и СССР. Осуществив аншлюс Австрии и добившись от западных держав в Мюнхене согласия на расчленение Чехословакии, Гитлер не только увеличил военно-экономический потенциал рейха, усилил его международные и особенно военно-стратегические позиции, но и смог сломить серьезную внутреннюю оппозицию военной и бюрократической элиты своему внешнеполитическому курсу. Напротив, СССР к концу 1938 года был во всех отношениях предельно ослаблен массовыми репрессиями, достигшими своего апогея в 1937 – 1938 гг. Вес Советского Союза на международной арене неуклонно падал в эти годы, что было связано в том числе с затянувшейся и непопулярной военной операцией на Дальнем Востоке, в районе озера Хасан.

В конце июля 1939 года Гитлеру стало очевидно, что Германия стоит перед перспективой начать большую войну в Европе с необеспеченным тылом, не имея ни одного реального союзника. И в этой трудной ситуации он решил ухватиться за «последнюю соломинку» – добиться политического соглашения с Москвой, которое обеспечило бы Берлину благожелательный нейтралитет в грядущей войне на Западе. Политическое соглашение, в свою очередь, неизбежно ставило в повестку дня вопрос о разделе или, как минимум, разграничении сфер

влияния. СССР, только что начавший переговоры по вопросу о кредитно-финансовых отношениях с Германией, сознательно избегал темы раздела сфер влияния, оставляя инициативу немцам. По одной версии, причина этому заключалась во все еще не потерянной надежде на заключение военно-политического союза с Парижем и Лондоном. Когда же в первых числах августа 1939 года в Москве на англо-франко-советских военных переговорах не удалось преодолеть разногласий (английская миссия к тому же не имела соответствующий полномочной), СССР сделал решительный шаг навстречу Германии. По другой версии (во всяком случае, так считает отечественный историк С.Случ), Сталин сознательно шел на затягивание и срыв трехсторонних переговоров, постоянно поднимая планку советских претензий в неформальном диалоге с Берлином (в котором видел естественного союзника) о возможном разделе сфер влияния в Европе накануне большой войны.

Первым шагом навстречу друг другу стало подписание 19 августа 1939 г. советско-германского торгового соглашения. По его условиям Советскому Союзу на выгодных условиях предоставлялся долгосрочный кредит на сумму в 200 млн. марок, а немцам – возможность получения сырья и сбыта в СССР своих промышленных товаров. Наконец, в условиях явного цейтнота ввиду приближавшегося срока начала запланированной польской кампании Гитлер вынужден был сделать Сталину долгожданное и далеко идущее предложение заключить договор о ненападении, который был подписан в Москве 23 августа 1939 г. германским министром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом и советским министром иностранных дел Вячеславом Молотовым. В секретном протоколе к нему оба тоталитарных режима поделили между собой Польшу и прибалтийские республики – Латвию, Литву, Эстонию (спустя месяц с небольшим его дополнил договор о дружбе и границе между СССР и Германией). По существу, континентальная Европа еще до начала мировой войны была

поделена между двумя диктаторами, представлявшими на международной арене модели во многом схожего поведения. Национал-социалистическая Германия своим открытым вооруженным противостоянием многим, в том числе и ведущим, державам стала самым желанным партнером для большевистского руководства в Кремле.

Не опасаясь нападения со стороны СССР, уже через неделю утром 1 сентября 1939 г. под предлогом нарушения Польшей границ и якобы устроенного Варшавой нападения на радиостанцию Глейвиц Гитлер отдал приказ германским войскам перейти польскую границу. 17 сентября советские войска вступили в восточные районы польского государства.

В настоящей работе представляется нецелесообразным описывать ход войны, учитывая, что этой теме посвящено огромное количество исследований, как у нас, так и за рубежом. Важно лишь отметить, что ни одно решение Гитлера не имело таких весомых последствий для хода войны в целом и судьбы национал-социалистической Германии, как его установка напасть на Советский Союз. Фактически еще до начала войны он ее проиграл. Объективными факторами, определившими поражение Германии, явились сам характер войны (для Советского Союза она была освободительной) и геостратегическое положение СССР (наличие протяженной территории и суровый климат, людские и материальные ресурсы). Даже западные эксперты вынуждены признавать, что Германия проиграла войну против остального мира в основном на территории Советского Союза. Здесь дольше, чем где бы то еще, были задействованы почти три четверти всех немецких сухопутных войск и большая часть авиации. Как правило, потери вермахта на Востоке до мая 1944 года в три-четыре раза превышали потери на других фронтах вместе взятых.

* * *

Без сомнения, Вторая мировая война решающим образом изменила лик всего мира. С 1945 года уже не приходится говорить о продолжении евроцентристской мировой политики.

Из семи мировых великих держав, бывших таковыми к началу Второй мировой войны, только две, предельно мобилизовав свои людские и материальные ресурсы, вышли из этого вселенского конфликта подлинными победителями – США и Советский Союз. Их доминирующее отныне двухполюсное равновесие, заменившее собой традиционный европейский баланс сил, переместило центр тяжести мировой политики в Вашингтон и Москву. Именно в контексте этого биполярного противостояния следует рассматривать и эволюцию советско-германских отношений в 1945 – 1990/91 гг.

Принципиальные различия в политических системах и идеологии западных оккупационных держав с одной стороны и Советского Союза – с другой, обусловившие начало «холодной войны», но, главное, различные стратегии обеспечения европейской и национальной безопасности предопределили невозможность международно-правового урегулирования так называемого «германского вопроса», стали причиной раскола германской нации и появления на международной арене двух немецких государств.

Советский Союз не оставлял попыток создать единое нейтральное германское государство по примеру Австрии и Финляндии, которое соблюдало бы дистанцию по отношению к США и Западной Европе, но было бы дружественно настроено к СССР. Главными здесь, как представляется, были соображения безопасности: для Советского Союза германский вопрос означал, прежде всего, два глобальных военных нашествия с немецкой земли (а в ходе второго страна потеряла 28 млн. человеческих жизней), и лишь затем – проблему преодоления национального раскола и обретения немцами единой государственной самостоятельности. В свою очередь, западные державы крайне опасались советско-германского сближения и «нового Рапалло» и поэтому всячески противодействовали политике СССР. При этом ввиду отсутствия какого-либо прогресса по германскому урегулированию параллельно наращивались усилия по интеграции обоих германских

государств в противоположные социально-экономические и военно-политические системы. Эти усилия завершились в 1955 году вступлением ФРГ и ГДР в противостоявшие в Европе военно-политические союзы – НАТО и ОВД.

Федеративная Республика Германия, вошедшая в сферу влияния трех западных держав-победительниц во Второй мировой войне, в силу объективных причин не могла конструктивно участвовать в развитии германо-советского диалога в условиях разворачивания идеологической войны между Востоком и Западом. Для первого канцлера ФРГ, председателя ХДС и ревностного католика К.Аденауэра, которого с легкой руки лидера СДПГ К.Шумахера окрестили «канцлером союзников», равнение на США и интеграция в структуры западноевропейских государств были непреложными максимумами. Москва находилась на периферии его стратегических установок уже хотя бы потому, что Советский Союз был для него оплотом безбожия и коммунизма. Более того, «СССР по своей природе был азиатчиной и поэтому являлся смертельным врагом всему тому, что было ему так дорого – католицизму, Рейнской области, Европе и Западу»⁹.

В то же время по мере укрепления западногерманской государственности стало ясно, что без Москвы невозможно добиться существенного сдвига в решении вопроса о единстве германской нации. СССР представлял интерес не только для политических кругов ФРГ, но и для бурно развивавшейся экономики ФРГ. Потребность в советском рынке испытывали такие гиганты западногерманской промышленности, как «Крупп». «Маннесманн», «Сименс» и другие концерны. Это обстоятельство, как и задача возвращения на родину остававшихся в СССР немецких военнопленных, были необходимым, но недостаточным условием для формализации двусторонних отношений. Требовалась еще санкция со стороны

---

⁹ Griffith William E. Die Ostpolitik der Bundesrepublik Deutschland. – Stuttgart, 1981. – S. 77.

западных союзников при условии их непоколебимой уверенности в гарантированной военно-политической и экономической привязке Западной Германии к евроатлантическим структурам. Эти гарантии дало вступление ФРГ в НАТО в мае 1955 года.

Согласие союзников и трезвый государственный расчет побудили Аденауэра 13 сентября того же года установить с СССР дипломатические отношения. Если бы престарелый канцлер не поехал в Москву, ведущие мировые державы могли бы обвинить его в незаинтересованности в сохранении мира, в торпедировании разрядки и решения германского вопроса. Сам Аденауэр аргументировал свой шаг тем, что именно специфический статус Советского Союза как четвертой державы-победительницы с его особыми правами и ответственностью в отношении всей Германии оправдывал-де установление дипломатических отношений.

Несмотря на то, что торговый оборот рос из года в год и уже в 1957 году Федеративная Республика смогла выйти на первое место среди западноевропейских стран по экспорту в Советский Союз, в условиях нарастания идеологической конфронтации политический диалог находился в зачаточном состоянии. Причем годы спустя ни кабинет Л.Эрхарда (ХДС), ни правительство К.-Г.Кизингера (ХДС) не смогли внести принципиальных изменений в существовавшее положение вещей из-за жесткого противодействия со стороны ХСС и правого крыла ХДС. Лишь с началом разрядки международной напряженности, обновив руководство, Бонн сумел активно включиться в налаживание отношений с СССР, быстро выдвинувшись на передовые партнерские позиции в области политики и экономики.

«Новая восточная политика» канцлера В.Брандта, порывавшая со стереотипами «холодной войны», получила безусловный приоритет и стала синонимом политики разрядки. В кратко- и среднесрочной перспективе правительство Брандта/Шееля преследовало три цели: во-первых, налаживание

партнерского диалога с Москвой, во-вторых, нормализацию отношений с восточноевропейскими государствами и, в-третьих, сохранение модуса вивенди между обеими частями Германии для реализации впоследствии стратегической целеустановки – «содействовать созданию такой мирной обстановки в Европе, при которой немецкий народ путем свободного самоопределения вновь достигнет единства нации» (Письмо о единстве германской нации 1970 года).

При всей революционности «новой восточной политики» ее советская составляющая (Московский договор 1970 года), так или иначе, не была полностью самостоятельной, а подчинялась приоритету национального воссоединения (Письмо единстве германской нации 1970 года). Последующие канцлеры – Г.Шмидт (СДПГ) и Г. Коль (ХДС) – ни на йоту не отошли от этой стратегии, внося лишь отдельные несущественные коррективы в зависимости от изменений, происходивших на мировом шахматной доске в партии двух глобальных игроков.

Отношения с Советским Союзом при канцлере Г.Колле (1982 – 1990 гг.) прошли в 80-е годы три фазы развития. На первом этапе с осени 1982 по весну 1985 года они испытывали на себе влияние «двойного решения» НАТО и поэтому характеризовались негативной динамикой. На втором этапе, в 1985 – 1987 годах, можно было констатировать их оживление вследствие омоложения руководства в СССР и начала разоруженческого диалога между двумя сверхдержавами. Третья фаза советско-западногерманского общения в 1987 – 1990 гг. была отмечена беспрецедентным прорывом в развитии всех его составляющих, и венчало ее германское объединение, не только ставшее апофеозом конструктивного сотрудничества между Бонном и Москвой, но и легшее в основу качественно новых принципов отношений между двумя странами.

В послевоенной Германии советский подход к строительству советско-германских отношений получил возможность реализоваться и был воплощен в жизнь в

Германской Демократической Республике. ГДР, как и хотела Москва, стала основным стратегическим союзником СССР в военно-политической, экономической, научно-технической, культурной и идеологической сферах. Эта привязка с начала 1950-х годов планомерно осуществлялась на двусторонней (военно-политические договоры о дружбе сотрудничестве и взаимопомощи и другие соглашения) и многосторонней основе (СЭВ, ОВД). Более того, не без молчаливого одобрения со стороны Москвы власти в Восточном Берлине взяли на вооружение концепцию двунациональности немецкого народа. Все это привело к тому, что германский вопрос был надолго снят с повестки дня державами-победительницами, но не Федеративной Республикой, для которой курс на поглощение ГДР продолжал оставаться приоритетным направлением внешней политики.

В 1980-е годы отношения между СССР и ГДР, хотя и выдержаны были формально в прежнем духе «дружбы и братства», начали испытывать перегрузки не столько из-за внешней политики Советского Союза, сколько из-за курса руководства ГДР во главе с Э.Хонеккером, ориентированного на определенное обособление ГДР от СССР, на построение «социализма в национальных цветах ГДР», на особые прагматичные отношения с ФРГ, в основе которых лежала разработанная в 1981 – 1983 гг. концепция создания международной «коалиции разума и реализма».

Сущность «коалиции разума и реализма» вытекала уже из самого названия и предполагала кооперацию со всеми силами в капиталистических странах, которые выступают за мир. Согласно концепции, международная безопасность «не ограничивалась лишь военным измерением», а являлась «результатом сотрудничества государств в различных областях». При этом «взаимодействие государств в политической, военной, экономической, научно-технической, экологической и гуманитарной сферах» не следовало ограничивать только межгосударственным уровнем. Оно

должно было включать в себя и «сотрудничество между системами». Концепция представляла собой обновленную внешнеполитическую стратегию ГДР в отношении Запада и рассматривалась берлинским руководством, прежде всего, как механизм межсистемного сотрудничества. За внешне цветистой фразеологией и абстрактными формулами борьбы за мир новая внешнеполитическая стратегия преследовала сугубо прагматичные цели по поиску возможно большего числа точек соприкосновения с развитыми капиталистическими странами. Но главным ее адресатом была ФРГ.

Очевидно, что в социалистических реалиях разрыв между декларировавшимися принципами и их реальным наполнением, непреодолимые противоречия между внутренними и внешними аспектами практической реализации идеи «коалиции разума и реализма» заведомо обрекали ее на провал, несмотря на отдельные не всегда последовательные, но порой не безуспешные попытки руководства ГДР и СЕПГ корректировать внешнюю политику страны применительно к меняющейся международной обстановке.

В 1985 – 1990 гг. принципиально новым и важным для ФРГ, ГДР, СССР и других заинтересованных стран стало то, что под влиянием развития международной обстановки (перестройка в Советском Союзе, размягчение структур «реального социализма» и «бархатные революции» в странах Восточной Европы) слагаемые в понятийной паре «европейская безопасность и германский вопрос» поменялись местами. Теперь скорейшее решение германского вопроса превратилось в важнейшее условие обеспечения европейской безопасности.

В сфере двусторонних отношений в этот период наблюдается резкое сближение между ФРГ и СССР. Помимо того, что Федеративная Республика продолжала оставаться главным экономическим и торговым партнером Советского Союза среди промышленно развитых стран Запада, во второй половине 80-х годов она превратилась и во второго по значению партнера СССР после США по ведению диалога в

области разоружения и проблем безопасности. В этот момент в Европе друг на друга наложились две внешнеполитические составляющие в треугольнике Бонн-Москва-Берлин: качественное улучшение отношений между СССР и ФРГ и ослабление связки СССР-ГДР вследствие активной «германской политики» канцлера Г.Коля и отмежевания режима Хонеккера от реформ в Советском Союзе. Данный фактор сыграл роль катализатора в деле германского объединения.

Конструктивное взаимодействие между СССР и ФРГ, налаженное в ходе переговоров в рамках решения германского вопроса в 1989 – 1990 гг., позволило 9 ноября 1990 г. заключить двум влиятельным европейским державам Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве («большой договор»). Он вобрал в себя все лучшее, что было в отношениях между обеими странами до объединения Германии. Самым важным в этом документе, который следует рассматривать в качестве неотъемлемой составной части германского урегулирования, являлось то, что он стал первым в истории послевоенной Европы двусторонним договором «о дружбе» между двумя государствами, входившими незадолго до этого во враждебные друг другу военно-политические союзы. При этом уместно сослаться на статью 5-ю договора, где обе стороны обязались оказывать всемерное содействие развитию процесса безопасности и сотрудничества в Европе на основе Заключительного акта Хельсинки, укреплять и далее развивать его совместно со всеми государствами-участниками. «Целью этих усилий является упрочение мира, стабильности и безопасности и превращение Европы в единое пространство права, демократии и сотрудничества в области экономики, культуры и информации»¹⁰.

Договор был заключен сроком на 20 лет и по-новому определил отношения в вопросах безопасности, исключив использование первыми вооруженных сил друг против друга, а

---

¹⁰ Визит М.С.Горбачева в ФРГ, 9 – 10 ноября 1990 г. – М., 1990. – С. 45 – 55.

также оказание военной помощи или иного содействия нападающему, если СССР или Германия стали бы объектом какой-либо агрессии. В нем были зафиксированы принципы строгого уважения прав и интересов, установления уровней оборонной достаточности, решения возникающих спорных вопросов путем консультаций. Он был ориентирован на новое качество сотрудничества в области экономики, экологии, культуры, науки и техники. Однако договор во многом оказался выхолощенным в результате распада Советского Союза, который по иронии судьбы и был невольным инициатором широкомасштабных перемен, изменивших лик Европы.

The article deals with the Soviet–German relations from the October Revolution in Russia in 1917 up to the collapse of the Soviet Union and the elimination of the two-statehood in Germany. The object of the research are pre- and post-war phases of bilateral ties, which had a primary strategic meaning for the USSR because of intentions of the Soviet Russia (later the Soviet Union) to build relations of a “special kind” with Germany (whether it was the Weimar Republic, the fascist regime or the GDR) as a counterweight to the “imperialistic states”. This approach was based on the historical experience of cooperation with Prussia, geostrategic reasons and ideological doctrines of Bolsheviks and later J. Stalin and his successors.

Key words: Soviet Russia, Soviet Union, USSR, Weimar Republic, Third Reich, FRG, GDR, Soviet-German relations, foreign policy, history of international relations

В статье рассматриваются советско-германские отношения с октябрьского переворота в России в 1917 году до распада Советского Союза и ликвидации двугосударственности

на немецкой земле. Объектом исследования являются до- и послевоенная фазы двусторонних связей, которые для СССР имели приоритетное стратегическое значение ввиду стремления Советской России, а затем и Советского Союза строить с Германией, будь то Веймарская республика, фашистский режим или ГДР, отношения «особого рода» как противовес «империалистическим государствам». В основе такого подхода лежали как исторический опыт сотрудничества с Пруссией, как геостратегические соображения, так и идеологические установки большевиков, позднее – И.В.Сталина и его последователей.

Ключевые слова: Советская Россия, Советский Союз, СССР, Веймарская Республика, третий рейх, ФРГ, ГДР, советско-германские отношения, внешняя политика, история международных отношений